

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43

Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН

Евгений Александрович КАНАЕВ

доктор исторических наук, профессор, факультет мировой экономики и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: eakanaev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-7988-4210

Александр Сергеевич КОРОЛЕВ

младший научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: askorolev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-7988-4210

ЦИТИРОВАНИЕ: Канаев Е.А., Королёв А.С. (2019) Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 26–43.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43

Статья поступила в редакцию 28.09.2018.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда грант № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

АННОТАЦИЯ. В статье выявляется влияние проектов Большой Евразии и Индо-Тихоокеанского региона на развитие отношений между Россией и АСЕАН. Авторы вырабатывают собственные критерии сравнения двух проектов: степень выраженности консолидирующей повестки сотрудничества между их нынешними и будущими участниками, соответствие привычной для Восточной Азии – как экономического драйвера будущих Большой Евразии и ИТР – модальности многостороннего диалога и наличие предпосылок для реализации обоих проектов в длительной перспективе. Проводя такое

сравнение, авторы обосновывают позицию, что Большое евразийское партнерство значительно более конкурентоспособно, чем проект ИТР. Рассматривая сотрудничество России и АСЕАН сквозь призму формирования отношений стратегического партнерства, авторы систематизируют причины низкой динамики развития кооперации и ее наиболее вероятные будущие направления, отталкиваясь от взаимовлияния перспективных планов сторон и формирующегося глобального контекста их диалога. В обозримом будущем во взаимодействии Москвы и Ассоциации на первый план выйдут противо-

действие международному терроризму и наращивание региональных взаимосвязей, однако фокус внимания обеих сторон будет смещаться с ЮВА на евразийское пространство. На взгляд авторов, следствием эволюции проекта ИТР могут стать центробежные тенденции в российско-асеановском сотрудничестве, причиной чего станет снижение эффективности азиатско-тихоокеанских диалоговых площадок по вопросам безопасности, новые российско-китайские совместные маневры в Южно-Китайском море и необходимость на фоне малоубедительных результатов уточнить содержание российско-вьетнамского Всеобъемлющего стратегического партнерства как основы стратегического партнерства России и АСЕАН. В свою очередь Большая Евразия открывает перед Россией и Ассоциацией новые перспективы, в числе которых наращивание взаимосвязей и борьба с угрозой международного терроризма на евразийском континенте посредством адаптации асаноцентричных диалоговых площадок АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС к будущей системе безопасности, сотрудничества и соработки от Лисабона до Джакарты. Осознание грядущей смены Азиатского века на Евразийский и становление Большой Евразии в качестве второго глобального полюса позволят России и Ассоциации расширить и диверсифицировать сотрудничество, а в перспективе вывести его на самоподдерживающуюся и самовоспроизводящуюся основу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион, Россия, АСЕАН, сотрудничество, внешняя политика, международные отношения

Сотрудничество между Россией и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) традиционно характеризуется как не в полной мере соответствующее своему потенциалу. Тем не менее на юбилейном саммите Россия – АСЕАН в Сочи в мае 2016 г. было решено повысить статус отношений России и АСЕАН до уровня стратегического партнерства¹, что было сделано на Третьем саммите Россия – АСЕАН в Сингапуре [Joint Statement of the 3rd ASEAN – Russian Federation Summit 2018]. Это предполагает наращивание масштабов и качества сотрудничества на основе принципиально иной повестки по сравнению с существовавшей до сих пор.

Практическая реализация столь амбициозной заявки будет проходить в новом международном контексте. Его современная особенность – развитие мегарегиональных проектов, таких как большое евразийское партнерство и Индо-Тихоокеанский регион.

Большая Евразия и Индо-Тихоокеанский регион как многосторонние проекты

Концепция большого евразийского партнерства, также известная как Большая Евразия, зародилась в российских экспертных кругах в 2015 г. после обострения отношений России с Западом. На высшем уровне идея была высказана Президентом РФ В.В. Путиным во время Петербургского международного экономического форума в июне 2016 г.² Нацеленность России на создание большого евразийского партнерства было закреплена в ряде международно-правовых

1 Сочинская декларация юбилейного саммита Россия – АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» (2016) // Россия – АСЕАН. 20 мая 2016 // <http://russia-asean20.ru/documents/>, дата обращения 31.01.2019.

2 Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума (2016) // Президент России. 17 июня 2016 // <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>, дата обращения 31.01.2019.

документов и выступлений главы государства. В их числе – российско-китайская декларация, подписанная лидерами двух стран во время визита российского президента в Китай в июне 2016 г., выступления В.В. Путина на Международном форуме «Один пояс, один путь» в Пекине в мае 2017 г. и Восточном экономическом форуме в 2016–2018 гг.³

Конкурентом Большой Евразии выступает другой глобальный проект – формирование Индо-Тихоокеанского региона. Эта тема стала одной из самых обсуждаемых после речи Д. Трампа на форуме АТЭС в Дананге в ноябре 2017 г. и принятия участниками Четырехстороннего оборонного формата (ЧОФ) в составе США, Японии, Австралии и Индии последующих документов⁴.

Компетентное и нюансированное сравнение двух мегапроектов целесообразно провести по следующим критериям: консолидирующая повестка сотрудничества, соответствие привычной для стран Восточной Азии (как предполагаемого экономического ядра ИТР и большого евразийского партнерства) философии взаимодействия на многосторонней основе и степень устойчивости в долгосрочной перспективе.

Применительно к первому критерию сравнения – вопросу о *консолидирующей повестке сотрудничества* в проектах Большой Евразии и ИТР – выделим следующие моменты.

Хотя до настоящего времени концепция Большой Евразии не изложена во

всех деталях на официальном уровне, ее философия просматривается вполне отчетливо. Большое евразийское партнерство нацелено на гармонизацию повесток уже существующих институтов и проектов – АСЕАН, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, Инициативы «Пояса и Пути» (ИПП). Конечная цель этих усилий состоит в создании общеконтинентальной системы соразвития, сотрудничества и безопасности от Джакарты до Лисабона.

Согласно замыслу архитекторов большого евразийского партнерства, эта инициатива будет носить инклюзивный характер. Отталкиваясь от российско-китайского сотрудничества, но не замыкаясь на нем, инициатива предполагает привлечение других крупных незападных акторов – Индии, Ирана, АСЕАН.

Большая Евразия открыта и для стран Европы. Несмотря на стагнацию и попятные движения в развитии политического диалога между Россией и европейскими государствами, наиболее дальновидные европейские интеллектуалы уже начали осмысление проекта Большой Евразии. Показательной в этой связи является точка зрения португальского политолога Бруно Масаша, который рассматривает формирование Большой Евразии как объективный процесс, вызванный т.наз. «усилением дуги нестабильности» от Афганистана до Северной Африки. Отсюда – потребность в создании консолидированной архитектуры евразийской безопасности, назначение которой – дополнить

3 Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права (2016) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 25 июня 2016 // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2331698, дата обращения 31.01.2019; Международный форум «Один пояс, один путь» (2017) // Президент России. 14 мая 2017 // <http://kremlin.ru/events/president/news/54491>, дата обращения 31.01.2019; Пленарное заседание Восточного экономического форума (2018) // Президент России. 12 сентября 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/58537>, дата обращения 31.01.2019.

4 Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Da Nang, Vietnam (2017) // The White House, November 10, 2017 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/>, дата обращения 31.01.2019; Australia-Japan-United States Trilateral Strategic Dialogue Joint Ministerial Statement (2018) // U.S. Department of State, August 5, 2018 // <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/08/284940.htm>, дата обращения 31.01.2019; Joint Statement: Australia-U.S. Ministerial Consultations 2018 (2018) // U.S. Embassy & Consulates in Australia, July 25, 2018 // <https://au.usembassy.gov/joint-statement-australia-u-s-ministerial-consultations-2018/>, дата обращения 31.01.2019.

несостоявшуюся концепцию «Большой Европы» [Maçães 2018, p. 148].

В контексте наращивания сотрудничества России с Китаем и другими азиатскими странами продвижение Москвой концепции большого евразийского партнерства можно рассматривать, помимо прочего, как попытку выстраивать диалог с Европой на качественно новой основе.

Ситуация с проектом ИТР принципиально иная: состав участников, повестка переговоров и предлагаемые инициативы позволяют сделать вывод, что концепция Индо-Тихоокеанского региона носит антикитайские очертания. Возобновление нарратива об ИТР осенью 2017 г. свидетельствует: «инклюзивного Азиатско-Тихоокеанского региона», в основе которого – сотрудничество США и КНР, больше не существует.

Стремление стран Тихого и Индийского океанов присоединиться к проекту ИТР подрывает слабая проработка его экономической составляющей. Нет ясности, предполагает ли проект развитие трансграничной инфраструктуры на огромном пространстве Индо-Пасифики – что по определению затратно в финансовом отношении – и если такое строительство планируется, какие страны, в каких объемах и на каких условиях будут его финансировать. Единственная представленная участниками ЧОФ на сегодняшний день цифра – 113 млн долл.⁵ – ничтожно мала для реализации крупных проектов.

Не прояснен вопрос и об институтах сотрудничества – ни одна из существующих на пространствах Тихого и Индийского океанов структур многосторонней дипломатии для этой задачи не подходит, а создавать новую без Китая бессмысленно.

Военно-политическое измерение проекта ИТР содержит все признаки «отложенной конфронтации». Гипотетически возможное предложение Вашингтона Нью-Дели о военном союзе, аналогичном американо-японскому и американо-австралийскому, не останется без ответа со стороны не только России и Китая, но и такого влиятельного субъекта мировой политики, как Иран.

Проект ИТР не обладает достаточным потенциалом, чтобы консолидировать интересы даже нынешних участников ЧОФ. Маловероятно, что Индия, в политике которой сильны традиции неприсоединения, будет следовать в фарватере американских интересов там, где это не отвечает ее собственным.

Австралия, чья повестка в отношениях с Китаем не идентична американской, едва ли воспримет с энтузиазмом перспективу подключения к проводимым ВМФ США Операциям по обеспечению свободы судоходства (*Freedom of Navigation Operations, FONOP*) в Южно-Китайском море, а Япония – вероятно в силу фактора «дипломатии чековой книжки» делегирования ей партнерами по ЧОФ обязанности финансировать строительство инфраструктуры в странах Африки.

По второму критерию – *привычной философии многостороннего сотрудничества* – Большая Евразия значительно более конкурентоспособна, чем ИТР. Сторонники большого евразийского партнерства декларируют неприятие асимметричной зависимости, санкций или иных форм экономического и дипломатического давления в качестве способа достичь внешнеполитические цели. И напротив – подчеркивают значимость таких принципов, как уважение международного права, признание ведущей

5 Pompeo M. (2018) Remarks on «America's Indo-Pacific Economic Vision» // U.S. Department of State, July 30, 2018 // <https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/07/284722.htm>, дата обращения 31.01.2019.

роли ООН, политический и культурный плюрализм, уважение суверенитета и территориальной целостности стран [Караганов, Бордачев, Безбородов, Королев, Кашин, Лихачева, Макаров, Степанов, Соколова, Шумкова 2017, с. 28–29].

Приверженность таким принципам большей части незападных игроков создает предпосылки для формирования культурной и идеологической общности на пространстве Большой Евразии на взаимовыгодной и недискриминационной основе, что обуславливает привлечение к проекту новых участников [Караганов, Бордачев, Бляхер, Дружинин 2018, с. 18].

Применительно к проекту ИТР наблюдается иная картина: «либеральный мировой порядок» как декларируемая ценностная основа взаимодействия участников ЧОФ скорее препятствует, чем способствует его расширению. Сомнительно, что Вьетнаму, Филиппинам, Таиланду, Ирану, ряду государств Арабского Востока и Африки импонирует такой нарратив, к тому же подаваемый в напористо-безапелляционном стиле.

Для Большой Евразии и ИТР характерен различный подход к выстраиванию экономических отношений с партнерами. Интерпретируя заявления российских официальных лиц, можно прогнозировать, что ключевым инструментом наращивания торгово-экономической кооперации на пространстве Большой Евразии станет создание региональных торговых соглашений⁶.

Такая установка подтверждается практикой конкретных дел. В 2015 г. подписано соглашение о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом, а в мае 2018 г. – временное

соглашение, ведущее к образованию ЗСТ с ЕАЭС, с Ираном. В настоящее время ЕЭК прорабатывает преференциальные соглашения с другими партнерами, в числе которых Индия, Южная Корея и Сингапур. Как отмечает Председатель Коллегии ЕЭК Т.С. Саркисян, установить прямые экономические отношения с ЕАЭС, в том числе в формате ЗСТ, выразили желание более пятидесяти стран⁷.

Поскольку проект Большой Евразии будет выстраиваться вокруг ИПП, можно обоснованно прогнозировать развитие наращивания взаимосвязей, главным образом инфраструктурного строительства, на десятилетия вперед.

Что касается ИТР, то его эволюция противоречит сложившейся в Восточной Азии модальности многостороннего сотрудничества. Институты выстраиваются без учета специфики торговых, инвестиционных и технологических обменов, функционирования производственно-сбытовых цепочек, степени развитости межфирменных связей и наличия стратегических альянсов между предприятиями.

В Восточной Азии японоцентричная модель производственно-технологической кооперации (т.наз. «модели гусиного клина») легла в основу последующих – на раннем этапе развития неофициальных – институтов сотрудничества: Совета по экономическому сотрудничеству в бассейне Тихого океана (*Pacific Basin Economic Council*) и Тихоокеанского совета по экономическому сотрудничеству (*Pacific Economic Cooperation Council*). Официальное оформление диалога – создание форума АТЭС и несколько позднее восточ-

6 Послание Президента Федеральному Собранию (2016) // Президент России. 1 декабря 2016 // <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>, дата обращения 31.01.2019.

7 Тигран Саркисян: более 50 стран хотят прямых экономических отношений с ЕАЭС (2018) // Мир24. 20 марта 2018 // <https://mir24.tv/news/16296842/tigran-sarkisyan-bolee-50-stran-hotyat-priamyh-ekonomicheskikh-otnoshenii-s-eaes>, дата обращения 31.01.2019.

ноазиатских форматов экономического регионализма – произошло спустя десятилетия. Парадигма формирования ИТР прямо противоположная: сначала его «архитекторы» создали институт сотрудничества – Четырехсторонний оборонный формат – а экономическая повестка, даже на уровне осмысления, оставлена на потом.

Это свидетельствует об отходе от экономизации процессов безопасности как специфики регионализма в Восточной Азии. Элиты восточноазиатских стран не могут не осознавать: экономическое сотрудничество уже не выступает компенсаторным механизмом политических противоречий, содействуя снижению их остроты.

Наконец, сравнение двух проектов по третьему критерию – *степени их жизнеспособности в долгосрочной перспективе* – снова свидетельствует в пользу Большой Евразии. Эволюция евразийского геостратегического пространства во многом будет определяться сопряжением Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

О прогрессе на данном направлении свидетельствует подписание Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР на Астанинском экономическом форуме в мае 2018 г.⁸ Отдельного внимания заслуживает завершение совместного технико-экономического обоснования (ТЭО) Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве между Россией и Китаем, отраженное в заявлении по итогам переговоров В.В. Путина и Си Цзиньпина в Пекине в июне 2018 г.⁹

Заключение вышеупомянутого ТЭО является отправной точкой формиро-

вания преференциального торгово-экономического соглашения между Россией и Китаем. В перспективе можно ожидать подключения к нему других государств ЕАЭС.

Безотносительно сопряжения с ЭПШП, развитие ЕАЭС как международного актора будет носить долгосрочный характер. Наряду с сотрудничеством с третьими странами можно обоснованно прогнозировать углубление интеграционных процессов внутри самого объединения, в частности развитие нормативно-правовой базы и институциональных механизмов сотрудничества, активизацию усилий по созданию единых рынков, а также осознание государствами – членами Союза необходимости согласовать позиции по вопросам стратегического развития с расчетом на длительную перспективу.

Что касается ИТР, у него может не оказаться перспективы уже через несколько лет: его реализация может быть приостановлена в 2024 г., а возможно даже через два года. Как показывает пример Транстихоокеанского партнерства, новая американская администрация способна в одночасье переречь усилия предыдущей, действуя не на основе продуманной и рассчитанной на десятилетия вперед стратегии, а в рандомно-импровизационном стиле.

Анализ двух проектов по предложенным авторами критериям подталкивает к выводу, что Большая Евразия обладает качествами, позволяющими прогнозировать ее успешное развитие и высокую конкурентоспособность в стратегической перспективе, в то время как проект ИТР сталкивается с факторами, подрывающими его жизнеспособность.

8 Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР (2018) // Евразийская экономическая комиссия. 17 мая 2018 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>, дата обращения 31.01.2019.

9 Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров (2018) // Президент России. 8 июня 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/57699>, дата обращения 31.01.2019.

Россия с АСЕАН: к новому качеству диалога

Несмотря на отношения «развитого и всеобъемлющего партнерства», соглашение о чем было подписано в 2005 г., Россия и Ассоциация пока не смогли подкрепить такую заявку практикой.

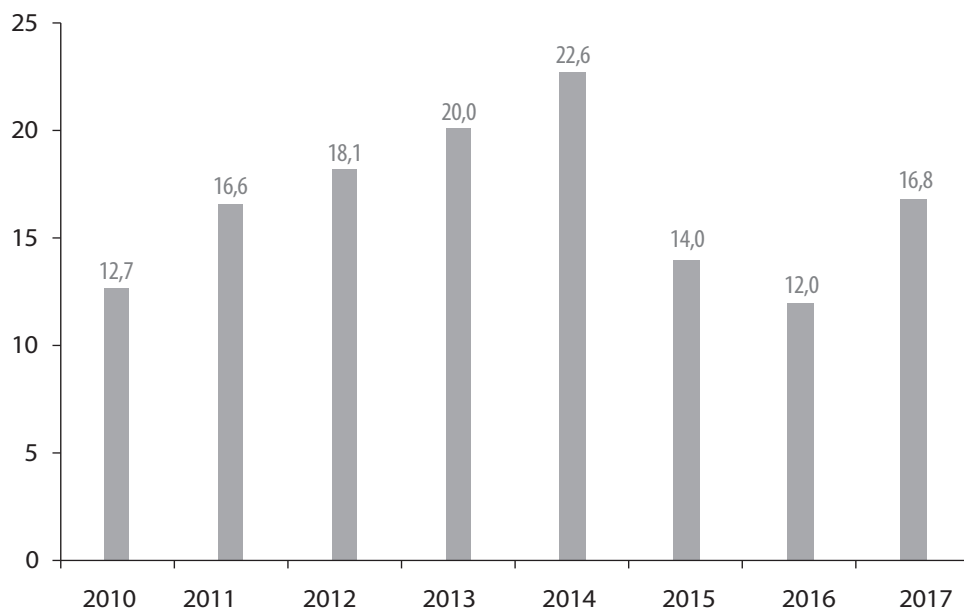
Одной из фундаментальных причин служит неспособность России координировать свои проекты в Юго-Восточной Азии со стратегическим планированием АСЕАН. Последнее основано на нарративе о взаимосвязанности, который включает в себя три измерения: физическое, институциональное и контакты между людьми.

Наращивание физической взаимосвязи между Россией и АСЕАН подрывают неразвитость транспортной инфраструктуры на российском Дальнем Вос-

токе и низкая интегрированность РФ в транспортно-логистическое сотрудничество АТР. Негативную роль играют и высокие затраты на транспортные услуги в России по сравнению с предлагаемыми другими государствами АТР.

Институтам сотрудничества России и АСЕАН – а это Совместный комитет сотрудничества Россия – АСЕАН, Совместный планово-распорядительный комитет Россия – АСЕАН, Финансовый фонд диалогового партнерства Россия – АСЕАН, Деловой совет Россия – АСЕАН, Рабочая группа Россия – АСЕАН по научно-технологическому сотрудничеству и прочие – свойственен параллелизм функций и длительное согласование перспективных проектов, особенно в тех случаях, когда требуется их финансирование. Это не лучшим образом сказывается на эффективно-

Рисунок 1. Динамика торговли между Россией и АСЕАН, млрд долл.
Figure 1. Trade dynamics between Russia and ASEAN, bln USD

Источник: Статистический портал АСЕАН // <https://www.aseanstats.org>
Source: ASEAN Statistics Web Portal // <https://www.aseanstats.org>

сти российско-асеановского диалога [Мариан, Синицын 2017, с. 187].

Ограничены и личные контакты граждан России и государств ЮВА, в том числе в сфере бизнеса, академических и студенческих обменов. Примером целенаправленной работы по налаживанию российско-асеановских межличностных связей на комплексной, долгосрочной и системной основе служит деятельность Центра АСЕАН при МГИМО(У) МИД РФ, однако эта практика носит единичный характер. Отдельно отметим, что между странами АСЕАН и Россией практически отсутствует трудовая миграция, а малый и средний бизнес сторон недостаточно активен на рынках друг друга [Ключанская 2016, с. 122].

Все это вкупе с отсутствием в должных масштабах российских брендов и

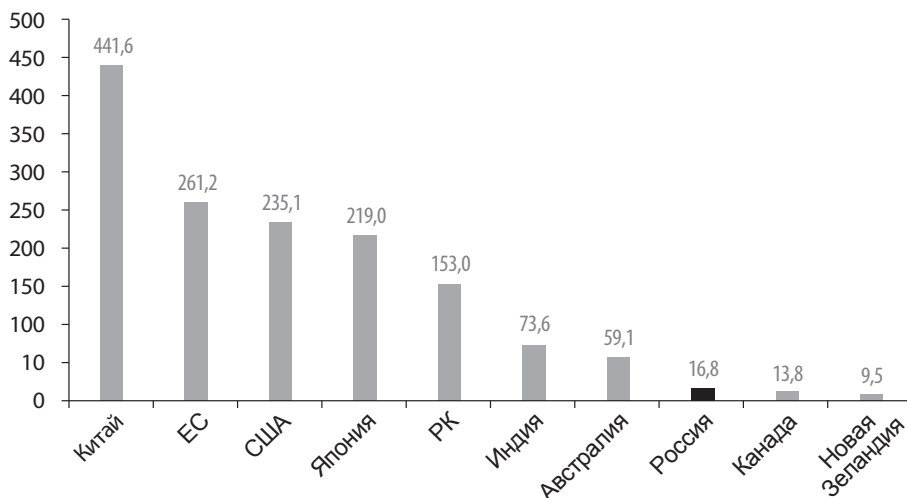
товаров массового спроса в Юго-Восточной Азии обуславливает скромный прогресс в наращивании торговых обменов между Россией и АСЕАН. По данным Статистического портала АСЕАН, по итогам 2017 г. объем торговли между Россией и Ассоциацией составил 16,8 млрд долл., увеличившись за последние 8 лет лишь на 32% (см. рис. 1).

На Россию приходится 0,8% всей внешней торговли АСЕАН при низкой диверсификации товарной номенклатуры. На три группы товаров – минеральное сырье, текстиль и электронное оборудование – приходится 67% совокупного объема двусторонней торговли¹⁰.

По объемам двусторонней торговли Россия уступает всем полномасштабным партнерам АСЕАН по диалогу, за исключением Канады и Новой Зеландии (см. рис. 2).

Рисунок 2. Объем двусторонней торговли между АСЕАН и ее диалоговыми партнерами, млрд долл.

Figure 2. Volume of bilateral trade between ASEAN and its partners, bln USD

Источник: Статистический портал АСЕАН // <https://www.aseanstats.org>

Source: ASEAN Statistics Web Portal // <https://www.aseanstats.org>

10 ASEAN International Merchandise Trade Statistics (IMTS), in US\$ (2017) // ASEAN Statistics // <https://data.aseanstats.org/trade>, дата обращения 31.01.2019.

Поскольку системные препятствия не позволяют в короткие сроки качественно нарастить масштабы экономического сотрудничества, России необходимо отталкиваться от приоритетов и перспективного планирования АСЕАН. Таковые концентрируются вокруг двух тем: эскалация угроз безопасности и наращивание взаимосвязей.

Для государств Ассоциации одной из наиболее острых проблем остается деятельность радикальных исламистов в Юго-Восточной Азии как следствие исхода религиозных радикалов из Сирии и Ирака. На данный момент основную угрозу для безопасности ряда стран АСЕАН, прежде всего Малайзии, Филиппин, Индонезии и Таиланда, представляет ИГИЛ (запрещенная в РФ организация).

Помимо граждан стран АСЕАН, вступивших в ряды ИГ, обеспокоенность правоохранительных органов государств – членов Ассоциации вызывает проникновение ИГ на территории стран азиатского юго-востока. Согласно данным военного руководства Индонезии, т.наз. «законсервированные ячейки» (*sleeper cells*) ИГ есть почти в каждой индонезийской провинции [Kanupriya 2017].

Повышается вероятность террористических атак в Мьянме, катализатором которых послужил конфликт между бирманскими буддистами и мусульманами-рохинджа [Королев, 2018, с. 7]. Комментируя ситуацию, руководство Малайзии неоднократно подчеркивало: дестабилизация обстановки в Мьянме может привести к обострению проблемы радикального исламизма во всей ЮВА [Smith 2017].

Высокий уровень террористической угрозы в ЮВА подтверждается статистикой международных организаций. Согласно рейтингу «Индекс глобального терроризма», в 2018 г. на

Южную и Юго-Восточную Азию пришла третья часть всех террористических атак в мире. Две страны ЮВА – Филиппины (10) и Таиланд (17) – вошли в число двадцати государств мира с самым высоким уровнем террористической активности [Global Terrorism Index 2018].

Суммировать степень угрозы терроризма для Юго-Восточной Азии можно, приведя оценку Н.Г. Рогожиной: «воздействие ИГИЛ на политическую ситуацию в регионе проявляется напрямую – в нарастании экстремизма и росте угрозы терроризма – и косвенно – в усилении исламистского радикализма в политическом развитии мусульманских стран» [Рогожина, 2017, с. 702].

Сложившаяся ситуация объективно подталкивает государства ЮВА к снижению остроты террористической угрозы. Это предполагает сотрудничество как государств Ассоциации между собой, так и АСЕАН с партнерами по диалогу на евразийском пространстве с использованием всего имеющегося у нее комплекса содержательных и институциональных механизмов, а также формирование новых.

Еще один заметный нарратив АСЕАН связан с темой «наращивания взаимосвязей» в «физическом» (строительство объектов трансграничной инфраструктуры), институциональном (повышение эффективности институтов сотрудничества десяти стран и АСЕАН с партнерами по диалогу) и «межличностном» (поощрение контактов между людьми) измерениях.

Начиная с 2010 г. в политическом лексиконе АСЕАН «наращивание взаимосвязей» все заметнее сближается с понятием «интеграция». Это просматривается на примере двух Генеральных планов АСЕАН по наращиванию взаимосвязей, принятых в 2010 и

2016 гг.¹¹ Этой теме уделено пристальное внимание в документах, определяющих параметры формирования Сообщества АСЕАН до 2015 и 2025 гг.¹², хотя сами асеановцы признают, что далеко не все задуманное реализовано в полной мере¹³.

В перспективе нарратив Ассоциации о наращивании взаимосвязей с высокой долей вероятности получит развитие, задавая параметры сотрудничества Ассоциации с партнерами по диалогу и повышая ее готовность и стремление подключиться к глобальным мегапроектам.

Значимость для АСЕАН совместных действий с диалоговыми партнерами в противодействии международному терроризму и наращивании взаимосвязей становится отправной точкой движения к новому качеству сотрудничества между АСЕАН и Россией. Внешним контекстом такого движения становится развитие проектов «Большая Евразия» и ИТР.

Перспективы диалога России и АСЕАН: Большая Евразия vs Индо-Пасифика

Основная особенность современного этапа сотрудничества между Россией и АСЕАН такова, что обе стороны осознают объективную необходимость вывести его на новый уровень с учетом современного международного контекста. Подтверждение тому – развитие

нарратива о стратегическом партнерстве, впервые озвученного на саммите в Сочи в мае 2016 г. Давая ему оценку, аналитики АСЕАН и РФ поставили вопрос о наличии у сторон общих стратегических интересов как основе, с которой можно начать движение к новому качеству отношений. Мнения разделились: если Б. Каусикан отрицал наличие таких интересов, определив ценностью российско-асеановского саммита сам факт его проведения [*Kausikan* 2016, р. 3], то В.В. Сумский трактует их как осознаваемое и разделяемое стремление к формированию многополярного мира [*Сумский* 2017, с. 36].

Продолжая логику российского эксперта, подчеркнем: такая установка предполагает вывод отношений между Россией и АСЕАН за рамки собственно двустороннего российско-асеановского трека, будь то российские проекты в ЮВА или интерес представителей азиатского юго-востока к проектам на российской территории.

С учетом глобализации интересов АСЕАН и роста совокупных возможностей России фактором их сближения становится участие в глобальном проекте. Сквозь призму именно этой задачи будет осмыслено влияние проектов Большой Евразии и ИТР на будущее российско-асеановского сотрудничества.

Начать целесообразно с ИТР, т.к. Ассоциация прорабатывает возможность распространить на индо-тихоокеанское пространство свои диалоговые форматы по вопросам безопасно-

11 Master Plan on ASEAN Connectivity (2010) // ASEAN Secretariat, December 2010 // http://www.asean.org/storage/images/ASEAN_RTK_2014/4_Master_Plan_on_ASEAN_Connectivity.pdf, дата обращения 31.01.2019; Master Plan on ASEAN Connectivity 2025 (2016) // ASEAN Secretariat, August 2016 // <http://asean.org/storage/2016/09/Master-Plan-on-ASEAN-Connectivity-20251.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

12 ASEAN Economic Community Blueprint (2008) // ASEAN Secretariat, January 2008 // <http://asean.org/wp-content/uploads/archive/5187-10.pdf>, дата обращения 31.01.2019; ASEAN Economic Community Blueprint 2025 (2015) // ASEAN Secretariat, November 2015 // <http://www.asean.org/storage/images/2015/November/aec-page/AEC-Blueprint-2025-FINAL.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

13 A Blueprint for Growth. ASEAN Economic Community 2015: Progress and Key Achievements (2015) // ASEAN Secretariat, November 2015 // http://www.miti.gov.my/miti/resources/AEC_2015_Progress_and_Key_Achievement.pdf, дата обращения 31.01.2019.

сти и координировать сотрудничество на основе «Пути АСЕАН» [President Jokowi 2018; Marsudi 2018].

Не принеся Ассоциации успеха на пространстве Тихого и Индийского океанов, этот шаг, равно как и развитие проекта ИТР в целом, может лишить Ассоциацию статуса международного актора, определяющего характер и направления развития многостороннего диалога по вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Lee 2018, p. 26].

Это негативно отразится не только на международных позициях АСЕАН, но и на выстраиваемых десятилетиями ее отношениях с партнерами по диалогу, в том числе с РФ. Для последней диалоговые площадки АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС являются резервными каналами постоянной коммуникации с азиатско-тихоокеанскими партнерами на уровне дипломатов, военных и глав государств и правительств на инклюзивной и нейтральной основе.

Совместно с Китаем и Брунеем Россия выдвинула концепцию «неделимой безопасности»¹⁴. Этот подход является важной составляющей «мягкой силы» РФ в АТР, особенно в условиях сохраняющегося недостатка ее военного присутствия и развитых экономических связей с региональными партнерами. Согласно мнению А. Цветова, если проект ИТР получит развитие, Россия будет поставлена перед необходимостью качественно нарастить и то и другое, сталкиваясь с дилеммой: либо отвлечь ресурсы от других направлений своей политики, либо смириться с ослаблением своих позиций в АТР [Tsvetov 2018]. Асеаноцентричные диалоговые форматы – важный инстру-

мент удержания Россией своих активов в регионе, ослабление создаваемой усилиями Ассоциации системы безопасности на основе сотрудничества скажется на эффективности российской политики в АТР самым пагубным образом.

Другое значимое последствие развития проекта ИТР для российско-асеановского диалога – высокая вероятность эскалации проблемы Южно-Китайского моря. На экспертном уровне высказана мысль о подключении Индии, Японии и Австралии к проводимым США Операциям по обеспечению свободы судоходства (*Freedom of Navigation Operations, FONOP*) в этой акватории [Valencia 2017]. Нельзя исключать, что к ним присоединится Вьетнам, усматривая в таком участии дополнительную возможность сдерживания Китая в Южно-Китайском море. Поднебесная едва ли оставит такой шаг без ответных действий. Отсюда – вероятность новых предложений Пекина Москве о проведении совместных военных маневров в Южно-Китайском море, аналогичных состоявшимся в 2016 г. Как результат, Россия окончательно отойдет от нейтральной позиции в отношении этого вызова азиатско-тихоокеанской безопасности.

Констатируя, что стратегическое партнерство России и АСЕАН примет во внимание промежуточные итоги Всеобъемлющего стратегического партнерства России и Вьетнама, отметим: проект ИТР может поставить Москву и Ханой по разные стороны баррикад. Малоприятным, но закономерным итогом станет потребность уточнить цель и содержание Всеобъемлющего стратегического партнерства РФ и СРВ, отталкиваясь не от риторики, а от прак-

¹⁴ Deputy Defence Minister Anatoly Antonov Gave Speech in Singapore at the 14th Asia Security Summit «SHANGRI-LA DIALOGUE 2015» (2015) // Ministry of Defence of the Russian Federation, May 30, 2015 // http://eng.mil.ru/en/news_page/country/more.htm?id=12037863@egNews, дата обращения 31.01.2019.

тики конкретных дел. Их не слишком впечатляющие результаты заметны невооруженным глазом.

С экономической и институциональной точек зрения проект ИТР не оказывает серьезного влияния на отношения России и АСЕАН. Основная причина – уже упомянутая слабая проработанность темы наращивания взаимосвязей [Бордачев, Кашин, Королев, Куприянов, Лукьянов, Суслов, Шумкова 2018, с. 25]. После принятия Ассоциацией Генерального плана по наращиванию взаимосвязей в 2010 г. именно этот нарратив стал определять мотивацию АСЕАН к сотрудничеству с партнерами по диалогу, включая Россию. Отсутствует и индо-тихоокеанское измерение институтов российско-асеановского полномасштабного диалогового партнерства.

В отличие от ИТР, проект Большая Евразия открывает России и Ассоциации спектр новых возможностей сотрудничества, содействуя его содержательному, институциональному и интеллектуальному наполнению. Прежде всего потому, что зафиксирована политическая воля руководства РФ и стран АСЕАН выстраивать институт сотрудничества – связку АСЕАН–ШОС–ЕАЭС.

Этот многосторонний формат позволяет России и АСЕАН взаимодействовать в сфере наращивания взаимосвязей на евразийском пространстве. Еще раз констатируем: большое евразийское партнерство будет выстраиваться вокруг ЕАЭС и ИПП. Через Юго-Восточную Азию пойдут два сухопутных экономических коридора – Китай – Индокитай и Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, а также участок Морского шелкового пути XXI в., а через Российскую Федерацию – экономический коридор Китай – Монголия – Россия. Заявив в январе 2018 г. о своих амбициях в Арктике, Поднебесная инициировала запуск нового направления ИПП – Арктического шелкового пути.

В таких условиях Россия и Ассоциация могут развивать сотрудничество в Арктике. Его координатором со стороны АСЕАН может стать Сингапур, одна из стран-наблюдателей в Арктическом совете. Опыт и наработки Сингапура, крупнейшего транспортно-логистического хаба и центра мировой торговли, получают должную востребованность. Тем самым будет создана большая евразийская дуга взаимосвязанности, состоящая из южного маршрута – Морского шелкового пути XXI в. и участков ЭПШП в ЮВА, центрального маршрута – экономического коридора Китай – Монголия – Россия и Северного маршрута – развития Арктического шелкового пути и Северного морского пути усилиями Китая, России и государств ЮВА.

В сфере безопасности возможности сотрудничества между Россией и АСЕАН не менее впечатляющие. В формате АСЕАН–ШОС–ЕАЭС Ассоциации, учитывая ее опыт координации многосторонних диалоговых площадок и реализации проектов с участием крупных международных акторов, может быть делегирован статус «движущей силы» переговоров. Это тем более вероятно, что ЕАЭС является экономическим образованием, а ШОС в обозримой перспективе будет вынуждена адаптироваться к последствиям расширения списков своих участников.

Обретение Ассоциацией статуса «движущей силы» связки АСЕАН–ШОС–ЕАЭС позволит задействовать опыт ведомых ее усилиями структур многосторонней дипломатии в АТР – АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС [Канаев, Шумкова 2017, с. 462–464]. Это заложит основу трансевразийской системы безопасности и сотрудничества. АРФ является единственной диалоговой площадкой на евразийском пространстве, в состав которой входит Северная Корея. Тем самым именно усилиями Ассоциации будет поддержи-

ваться канал постоянной коммуникации с Пхеньяном.

Есть у Ассоциации и диалоговое партнерство с ЕС, что может сыграть роль в привлечении Евросоюза к диалогу с ЕАЭС и отдельно с Россией. Поскольку большое евразийское партнерство – инклюзивный и открытый проект, ему необходимы институты сотрудничества с США. АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, в заседаниях которых Вашингтон принимает участие, окажутся полезными и тут.

Сотрудничество России и АСЕАН будет отталкиваться от этих возможностей. Большое евразийское партнерство, выстроенное в том числе посредством асеаноцентричных институтов, создает принципиально иной контекст борьбы с международным терроризмом. Опыт и потенциал асеаноцентричных диалоговых форматов станет ценным подспорьем для ШОС с учетом инфильтрации боевиков ИГИЛ (запрещенная в РФ организация) на Центральную Азию и Афганистан. Угроза международного терроризма будет стимулировать поставки российского оружия в ЮВА, примером чего служит российско-филиппинское сотрудничество.

Чтобы перевести в практическую плоскость заинтересованность России и Ассоциации в новом качестве отношений, необходимо выстроить производственно-сбытовые цепочки. Одно из направлений – производство экологически чистого продовольствия с использованием российских ресурсов. Желательна совместная реализация крупных инфраструктурных проектов, например подключение России к строительству трансасеановского газопровода или единой энергосистемы АСЕАН.

Целесообразно привести в соответствие с новыми реалиями институты российско-асеановского сотрудничества. Параллельно с Полномасштабным диалоговым партнерством Рос-

сия – АСЕАН своевременным шагом выглядит создание диалоговой площадки ЕАЭС – АСЕАН, заседания которой должны проходить не реже одного раза в два года.

Не менее важная задача – развитие контактов между ЕАЭС и ВРЭП после завершения переговоров о его формировании. Цель предпринимаемых усилий должна состоять в мониторинге торговых и инвестиционных практик обеих инициатив, что в перспективе облегчит выстраивание межфирменных связей и альянсов между предприятиями. Институционально эти действия могут быть оформлены как проект «Дальневосточное партнерство».

Конечная цель таких усилий должна состоять в движении к Зоне свободной торговли ЕАЭС – АСЕАН, которая вобрала бы в себя лучшие практики и устранила бы обнаружившиеся недочеты ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам. Примеры заинтересованности стран ЮВА в режиме свободной торговли с ЕАЭС уже есть: проходят переговоры между ЕАЭС и Сингапуром, готовность заключить преференциальное торговое и экономическое соглашение с ЕАЭС демонстрируют Индонезия и Камбоджа [Цветов 2017].

Сотрудничая в реализации проекта Большой Евразии в рамках АСЕАН – ШОС – ЕАЭС, Россия и Ассоциация могут проявить свои лучшие качества. История России – это история «выхода за флажки», когда страна сталкивалась с внешними вызовами. История АСЕАН – это история поиска (и зачастую достижения) компромиссов с большим количеством партнеров по переговорам. Это обстоятельство устраняет конкуренцию между Россией и АСЕАН, позволяя им максимально эффективно использовать свой потенциал.

Давая такие оценки, отметим главное: наличие благоприятных возможностей еще не гарантирует желаемого ре-

зультата. Для его достижения необходимы целенаправленная работа по развитию российской экономики, а также повышение эффективности институтов и наращивание масштабов и качества сотрудничества между участниками российского интеграционного проекта – Евразийского экономического союза. Эту задачу России и ее партнерам по ЕАЭС еще предстоит решить.

Выводы

Анализ влияния проектов «Большая Евразия» и «Индо-Тихоокеанский регион» на сотрудничество между Россией и АСЕАН позволяет вынести ряд обобщающих оценок. Прежде всего, их оформление происходит в то время, когда российско-асеановское сотрудничество исчерпало свой инерционный потенциал. Современное состояние и промежуточные итоги российско-асеановского диалога, существующие направления, меры и механизмы его поддержания и развития не отвечают ни приоритетам сторон, ни нынешнему международному контексту.

Проект ИТР не дает России и АСЕАН дополнительного консолидирующего мотива. Развитие проекта может разрушить ткань российско-асеановского взаимодействия, девальвируя усилия, которые Россия и Ассоциация прилагали в течение десятилетий. Большое евразийское партнерство, напротив, открывает такие резервы российско-асеановского диалога, осмысление глубины и масштабности которых только начинается.

Россия и АСЕАН раньше многих других международных акторов евразийского пространства осознали, что на смену азиатско-тихоокеанскому веку идет евразийский. Нарастание интереса АСЕАН к координации своей политики с евразийскими партнерами,

прежде всего Китаем, шло параллельно с интеграцией стратегии «поворота на Восток» в большое евразийское партнерство в приоритетах России.

В совокупности эти факторы дают основание констатировать: у России и Ассоциации есть все необходимые составляющие – будь то экономические потенциалы, политическая воля, дипломатическое мастерство или комплексность возможностей, а также благоприятные международные условия, чтобы не только достойно встретить наступление евразийского века, но и играть в его эволюции одну из ключевых ролей.

Список литературы

Бордачев Т.В., Безбородов А.А., Кашин В.Б., Королев А.С., Куприянов А.В., Пятачкова А.С., Степанов И.А., Шумкова В.А. (2017) Заглянуть в будущее: сценарий для Азии и России в Азии до 2037 года // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 27 ноября 2017 // <http://ru.valdaiclub.com/files/18485/>, дата обращения 31.01.2019.

Бордачев Т.В., Кашин В.Б., Королев А.С., Куприянов А.В., Лукьянов Ф.А., Суслов Д.В., Шумкова В.А. (2018) Возвышение Римланда: новая политическая география и стратегическая культура // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 1 июня 2018 // <http://ru.valdaiclub.com/files/20784/>, дата обращения 31.01.2019.

Канаев Е.А., Шумкова В.А. (2017) Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 17. № 3. С. 458–468. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468

Караганов С.А., Бордачев Т.В., Безбородов А.А., Королев А.С., Ка-

шин В.Б., Лихачева А.Б., Макаров И.А., Степанов И.А., Соколова А.К., Шумкова В.А. (2017) К Великому Океану-5: от поворота на Восток к Большой Евразии // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 6 сентября 2017 // <http://ru.valdaiclub.com/files/17048/>, дата обращения 31.01.2019.

Караганов С.А., Бордачев Т.В., Бляхер Л.Е., Дружинин А.И. (2018) Вперед к Великому Океану-6: люди, история, идеология, образование // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 13 сентября 2018 // <http://ru.valdaiclub.com/files/21545/>, дата обращения 31.01.2019.

Ключанская С.А. (2016) Россия – АСЕАН: перспективные направления сотрудничества // Власть Т. 24. № 6. 116–125 // <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/4325/4108>

Королев А.С. (2018) Стратегии средних стран в отношении великих держав: опыт Малайзии // Международные процессы. Т. 16. № 1. С. 90–104. DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.8

Мариан В.П., Синицын А.Ю. (2017) Россия-АСЕАН-20 лет сотрудничества // Власть. Т. 25. № 2. С. 186–193 // <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/4957>

Рогожина Н.Г. (2017) Угроза терроризма в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 17. № 4. С. 697–709. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709

Сумский В.В (2017) Сочинский саммит Россия – АСЕАН: взгляд по прошествии времени // Запад – Восток – Россия 2017. М.: ИМЭМО РАН. С. 36–37 // https://www.imemo.ru/files/File/magazines/Zapad_Vostok/2017/Sumskii_Sohsinskii%20sammit_36-37.pdf

Цветов А. (2017) Вместо поворота: АСЕАН и евразийский проект России // Московский Центр Карнеги. 17 октября

2017 // <https://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368>, дата обращения 31.01.2019.

Global Terrorism Index 2018 (2018) // Institute for Economics and Peace // <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Joint Statement of the 3rd ASEAN-Russian Federation Summit on Strategic Partnership (2018) // ASEAN, November 14, 2018 // <https://asean.org/storage/2018/11/ASEAN-Russia-Joint-Statement.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Kanupriya K. (2017) Islamic State Cells in Nearly All Indonesian Provinces: Military Chief // Reuters, June 13, 2017 // <https://www.reuters.com/article/us-indonesia-islamicstate-idUSKBN1940M2?il=0>, дата обращения 31.01.2019.

Kausikan B. (2016) How to Be Strategic? // ASEAN Focus, no 4, pp. 2–4.

Lee K. (2018) The “Free and Open Indo-Pacific” and Implications for ASEAN, ISEAS – Yusof Ishak Institute.

Maçães B. (2018) The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order, Penguin UK.

Marsudi R. (2018) Indonesia: Partner for Peace, Security, Prosperity // The Jakarta Post, January 11, 2018 // <http://www.thejakartapost.com/academia/2018/01/10/full-text-indonesia-partner-for-peace-security-prosperity.html>, дата обращения 31.01.2019.

President Jokowi: Indo-Pacific Cooperation Should Be Inclusive and Promote ASEAN Centrality (2018) // Sekretariat Kabinet Republik Indonesia, April 28, 2018 // <http://setkab.go.id/en/president-jokowi-indo-pacific-cooperation-should-be-inclusive-and-promote-asean-centrality-3/>, дата обращения 31.01.2019.

Smith N. (2017) Malaysia Warns Rohingya Crisis Could Lead to Isil Attacks in Burma // The Telegraph News, September 12, 2017 // <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/09/12/malaysia-warns-rohingya>

ya-crisis-could-lead-isil-attacks-burma/, дата обращения 31.01.2019.

Tsvetov A. (2018) What Does Trump's Indo-Pacific Mean for Russia? // The Diplomat, April 17, 2018 // <https://thediplomat.com/2018/04/what-does-trumps-indo-pacific-strategy-mean-for-russia/>, дата обращения 31.01.2019.

Valencia M. (2017) "Quad" Cooperation in the South China Sea? // The Japan Times, December 14, 2017 // <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/12/14/commentary/japan-commentary/quad-cooperation-south-china-sea/#.W54bDVpR2M8>, дата обращения 31.01.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43

Greater Eurasia, Indo-Pacific Region and Russia-ASEAN Relations

Evgeny A. KANAEV

DSc in History, Professor, Faculty of World Economy and International Affairs
National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St.,
17, Moscow, Russian Federation
E-mail: eakanaev@hse.ru
ORCID: 0000-0002-7988-4210

Alexander S. KOROLEV

Junior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies
National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St.,
17, Moscow, Russian Federation
E-mail: askorolev@hse.ru
ORCID: 0000-0002-7988-4210

CITATION: Kanaev E.A., Korolev A.S. (2019) Greater Eurasia, Indo-Pacific Region and Russia-ASEAN Relations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 26–43 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43

Received: 28.09.2018.

The article was prepared at the expense of the grant of the Russian science Foundation grant № 17-18-01577 "Formation of the Greater Eurasia Community and bilateral strategy interaction of Russia with the countries of the region".

ABSTRACT. *The article aims to specify the influence of the projects the Greater Eurasia and the Indo-Pacific Region on the prospective relations between Russia and ASEAN. The key component of its novelty is the authors' original criteria of comparing the two projects: the degree of consolidating agenda of cooperation between their current and prospective par-*

ticipants, the congruence with the East Asia's – assuming that it will be the economic driver of the forthcoming Greater Eurasia and Indo-Pacific Region – modality of multilateral dialogue and the preconditions for the survivability of both projects in the long-term perspective. Making this comparison, the authors substantiate the view that the Greater Eura-

sian Partnership is far more competitive than the Indo-Pacific Region. Exploring cooperation between Russia and ASEAN through the prism of their forthcoming strategic partnership, the authors offer an original interpretation of the reasons behind the presently insufficient cooperation and its most likely future directions proceeding from the mutual influence of Russia's and ASEAN's prospective planning and the emerging global context. In the near future, combating international terrorism and strengthening connectivity will come to the forefront of Russia's and ASEAN's priorities, with the focus shifting from Southeast Asia to the Eurasian area. In the authors' view, if the present trends continue the aftereffects of the Indo-Pacific Region can stimulate downward trends in the Russia-ASEAN relationship. This will be premised upon the decrease in effectiveness of the Asia-Pacific multilateral dialogue platforms, likely Russian-Chinese joint maneuvers in the South China Sea and the necessity to specify, along with lack of impressive results, the essence of the Comprehensive Strategic Partnership between Russia and Vietnam as the foundation for the Russia-ASEAN strategic partnership. In its turn, the Greater Eurasia offers Russia and the association new promising possibilities, among which of particular importance are the development of connectivity narrative in Eurasia and combating international terrorism by means of adopting the ASEAN-led dialogue platforms ARF, ADMM+8 and EAS to the future system of security, cooperation and co-development from Lisbon to Jakarta. The realization of the forthcoming shift from the Asian century to the Eurasian century and the emergence of the Greater Eurasia as the second center in the global politics will allow Russia and the association to expand and diversify their cooperation and, in perspective, to develop it on the self-supporting and self-reproducing basis.

KEY WORDS: *Greater Eurasia, Indo-Pacific Region, Russia, ASEAN, cooperation, foreign policy, international relations*

References

- Bordachev T.V., Bezborodov A.A., Kashin V.B., Korolev A.S., Kupriyanov A.V., Pyatachkova A.S., Stepanov I.A., Shumkova V.A. (2017) A Look Into the Future: Scenarios for Asia and Russia in Asia till 2037. *Valdai Discussion Club*, November 27, 2017. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/18485/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Bordachev T.V., Kashin V.B., Korolev A.S., Kupriyanov A.V., Luk'yanov F.A., Suslov D.V., Shumkova V.A. (2018) The Rise of Rimland: The New Political Geography and Strategic Culture]. *Valdai Discussion Club*, June 1, 2018. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/20784/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Global Terrorism Index 2018 (2018). *Institute for Economics and Peace*. Available at: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf>, accessed 31.01.2019.
- Joint Statement of the 3rd ASEAN-Russian Federation Summit on Strategic Partnership (2018). ASEAN, November 14, 2018. Available at: <https://asean.org/storage/2018/11/ASEAN-Russia-Joint-Statement.pdf>, accessed 31.01.2019.
- Kanaev E.A., Shumkova V.A. (2017) Asean-led Multilateral Security Dialogue: Eurasian Priorities. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 17, no 3, pp. 458–468 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468
- Kanupriya K. (2017) Islamic State Cells in Nearly All Indonesian Provinces: Military Chief. *Reuters*, June 13, 2017. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-indonesia-islamicstate-idUSKBN1940M2?il=0>, accessed 31.01.2019.

Karaganov S.A., Bordachev T.V., Bezborodov A.A., Korolev A.S., Kashin V.B., Likhacheva A.B., Makarov I.A., Stepanov I.A., Sokolova A.K., Shumkova V.A. (2017) Toward the Great Ocean – 5: From the Turn to the East to Greater Eurasia. *Valdai Discussion Club*, September 6, 2017. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/17048/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Karaganov S.A., Bordachev T.V., Blyakher L.E., Druzhinin A.I. (2018) Towards the Great Ocean-6: People, History, Ideology, Education. *Valdai Discussion Club*, September 13, 2018. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/21444/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Kausikan B. (2016) How to Be Strategic? *ASEAN Focus*, no 4, pp. 2–4.

Klyuchanskaya S.A. (2016) Russia and ASEAN: Promising Areas of Cooperation. *Vlast'*, vol. 24, no 6, pp. 116–125. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/4325/4108>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Korolev A.S. (2018) Strategies of Middle-Sized Countries vis-a-vis Great Powers. *International Trends*, vol. 16, no 1, pp. 90–104 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.8

Lee K. (2018) *The “Free and Open Indo-Pacific” and Implications for ASEAN, ISEAS – Yusof Ishak Institute*.

Maçães B (2018) *The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order*, Penguin UK.

Marian V.P., Sinitsyn A.U. (2017) Russia-ASEAN Cooperation: Two Decades of Development. *Vlast'*, vol. 25, no 2, pp 186–193. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/4957>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Marsudi R. (2018) Indonesia: Partner for Peace, Security, Prosperity. *The Jakarta Post*, January 11, 2018. Available at: <http://www.thejakartapost.com/academia/2018/01/10/full-text-indonesia-partner-for-peace-security-prosperity.html>, accessed 31.01.2019.

President Jokowi: Indo-Pacific Cooperation Should Be Inclusive and Promote ASEAN Centrality (2018). *Sekretariat Kabinet Republik Indonesia*, April 28, 2018. Available at: <http://setkab.go.id/en/president-jokowi-indo-pacific-cooperation-should-be-inclusive-and-promote-asean-centrality-3/>, accessed 31.01.2019.

Rogozhina N.G. (2017) The Threat of Terrorism in South-East Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 17, no 4, pp. 697–709 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709

Smith N. (2017) Malaysia Warns Rohingya Crisis Could Lead to Isil Attacks in Burma. *The Telegraph News*, September 12, 2017. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/09/12/malaysia-warns-rohingya-crisis-could-lead-isil-attacks-burma/>, accessed 31.01.2019.

Sumsky V.V. (2017) Russia-ASEAN Sochi Summit: Look after the Passage of Time. *West-East-Russia 2017*. M.: IMEMO, pp. 36–37. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/Zapad_Vostok/2017/Sumskii_Sohsinskii%20sammit_36-37.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Tsvetov A. (2017) Instead of Pivot: ASEAN and Russia's Eurasian Project. *Carnegie Moscow Center*, October 17, 2017. Available at: <https://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Tsvetov A. (2018) What Does Trump's Indo-Pacific Mean for Russia? *The Diplomat*, April 17, 2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/04/what-does-trumps-indo-pacific-strategy-mean-for-russia/>, accessed 31.01.2019.

Valencia M. (2017) “Quad” Cooperation in the South China Sea? *The Japan Times*, December 14, 2017. Available at: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/12/14/commentary/japan-commentary/quad-cooperation-south-china-sea/#.W54bDVpR2M8>, accessed 31.01.2019.